

ГРАФЪ Н. М. КАМЕНСКІЙ 2-й.

ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА 1806 — 1812 гг.

(Статья вторая.)

XXII.

Политическое положеніе Европы въ 1810 году.—Отношенія императоровъ Александра и Наполеона. — Наполеонъ какъ глава политики западной Европы. — Бракосочетаніе его съ австрійскою принцесою. — Конвенція между Россією и Австрією. — Политика Австріи. — Испанскія дѣла. — Скоростипная смерть шведскаго принца и безпорядки въ Стокгольмѣ. — Избраніе Бернадота наследнымъ принцемъ. — Разговоръ князя Курякина съ графомъ Меттернихомъ. — Присоединеніе къ Франціи Ольденбургскаго герцогства.

Двѣ державы, Россія и Франція, обращали на себя, въ началѣ 1810 года, общее вниманіе остальныхъ государствъ материка Европы. Полное согласіе, особая предупредительность въ сношеніяхъ императоровъ Александра и Наполеона возбуждали опасеніе тѣмъ болѣе, что отношенія между ними съ каждымъ днемъ, казалось, становились все дружественнѣе и дружественнѣе.

1810 годъ можно назвать годомъ наибольшаго значенія Наполеона въ Европѣ. По произволу французскаго императора, государи Рейнскаго союза должны были посылать тысячи своихъ подданныхъ въ Испанію. „По простой запискѣ императора—говоритъ Шлоссеръ⁽²²⁾—посылались въ разныя концы Европы обманутые конституціею подданные этихъ большихъ и маленькихъ государей, пользовавшихся неограниченною властію во внутреннихъ дѣлахъ и независимостію отъ другихъ членовъ союза, но бывшихъ невольниками Наполеона и разныхъ французовъ, которымъ онъ далъ дотации въ ихъ владѣніяхъ. Каждый годъ шли на войну тысячи ихъ солдатъ и не пользовались даже славою побѣды, потому что нѣмецкія вспомогательныя

⁽²²⁾ Шлоссеръ. VII, 422.
Т. XLIII. Отд. II.

войска были раздробляемы по французскимъ корпусамъ и даже въ тѣхъ случаяхъ, когда составляли отдѣльные корпуса, находились подъ командою французовъ.“

Наполеонъ требовалъ отъ государей Рейнскаго союза войскъ для себя столько же произвольно, какъ требовалъ конскриптовъ отъ французскаго народа. Судьба государей и ихъ подданныхъ зависѣла вполнѣ отъ прихоти Наполеона, прихоти внезапной и весьма обременительной для исполнителей воли императора. Герцогъ ольденбургскій, напримѣръ, которому въ 1808 году были возвращены владѣнія, въ 1810 году вдругъ увидѣлъ свои земли присоединенными къ Франціи, хотя между нимъ и Наполеономъ не только не было ссоры, но не было даже никакой переписки. Ганноверъ также подвергся участи, въ которой рука хозяина—владыка: кому хочетъ дарить или „отдастъ въ аренду, беретъ назадъ подъ свою аренду, беретъ назадъ подъ свое управленіе, дѣлитъ на куски и подчиняетъ какому хочетъ хозяйству“.

Мы зашли бы слишкомъ далеко, еслибы стали исчислять всѣ поступки Наполеона и его самовластіе, особенно въ 1810 году. Шлоссеръ, въ VII томѣ своей „Исторіи XVIII и XIX столѣтій“, весьма хорошо рисуется произволь французскаго императора и его стремленія, такъ что едва-ли можно что-нибудь прибавить къ его словамъ. Да и задача наша состоитъ лишь въ томъ, чтобы показать отношенія между Франціею и Россіею и разъяснить, на сколько эти отношенія имѣли вліяніе на ходъ турецкой войны во время командованія графа Каменскаго молдавскою арміею.

Очень естественно, что, при такомъ дѣйствіи и произволѣ, Наполеонъ болѣе чѣмъ когда-нибудь нуждался въ союзѣ съ Россіею. Около этого времени онъ думалъ даже о родствѣ съ императорскимъ домомъ, своимъ вступленіемъ во второй бракъ съ русскою великою княжною. Бесплодность брака его съ Жозефиною заставила его думать о разводѣ, и мысль о вступленіи его во второй бракъ, по мнѣнію Шлоссера, созрѣла еще 1807 году, во время войны съ Россіею. Садари, отправившіеся послѣ тильзитскаго мира въ С.-Петербургъ, имѣли, по его собственнымъ словамъ, порученіе сообщить нашему двору, что Наполеонъ желалъ бы вступить въ бракъ съ русскою принцессою. Шлоссеръ говоритъ, что на эрфуртскомъ свиданіи двухъ императоровъ было формально говорено объ этомъ, Переговоры од-

нако вѣлись такъ неопредѣленно со стороны Россіи, что подавали Наполеону весьма мало надежды на успѣхъ. Онъ обратилъ свое вниманіе на Австрію и, не оставляя переговоровъ съ Россіею, въ то же время достигъ того, что одна изъ статей шенбрунскаго мира съ Австріею упоминаетъ объ этомъ бракѣ. Биньонъ сообщаетъ, что переговоры о вступленіи въ бракъ велись въ Петербургѣ до 6-го февраля 1810 года, когда вдругъ были прерваны. Отказъ русскаго правительства не послужилъ однако поводомъ къ нарушенію союза Россіи съ Франціею.

Рѣшивъ выборъ новой супруги, который палъ на эрцгерцогиню Марію-Луизу, старшую дочь австрійскаго императора, Наполеонъ, прежде чѣмъ отправить курьера съ этимъ извѣстіемъ въ Вѣну, послалъ своего министра иностранныхъ дѣлъ Шампаньи, герцога Кадорскаго, къ нашему посланнику въ Парижѣ. Французскій министръ иностранныхъ дѣлъ старался указать нашему посланнику на новое доказательство дружественнаго расположенія своего императора къ Александру I. Онъ объяснилъ, что Наполеонъ избралъ себѣ въ супруги эту принцессу предпочтительно передъ другими собственно потому, во-первыхъ, что она достигла совершеннолѣтія; во-вторыхъ, по извѣстной чадоплодности ея матери и бабки, которая даетъ возможность надѣяться, что этимъ бракомъ онъ окончательно устроитъ благоденствіе Франціи, давъ ей наследниковъ престола въ прямой линіи; въ-третьихъ—говорилъ герцогъ Кадорскій—его величество не сомнѣвается въ томъ, что сдѣланный имъ выборъ будетъ приятенъ русскому императору, такъ какъ эта родственная связь, удаляя всякую новую войну съ австрійскимъ домомъ, будетъ содѣйствовать, согласно желанію императора Александра, сохраненію мира на твердой землѣ (23).

„Впрочемъ—заявлялъ тюльерійскій кабинетъ—никакія политическія соображенія не участвовали въ семъ выборѣ, и что его величество, по прежнему, пребывать будетъ въ союзѣ съ Россіею.“ (24)

Въ свѣтъ на такое поспѣшное заявленіе, князь А. Б. Курявинъ отправленъ былъ въ Парижъ для принесенія поздравленія императору Наполеону по случаю бракосочетанія его съ эрцгерцогиню австрійскою и былъ принятъ съ особеннымъ расположеніемъ въ Парижѣ. Въ его сношеніяхъ съ тюльерійскимъ ка-

(23) Депеша графа Румянцева къ графу Каменскому отъ 29-го февраля 1810 г.

(24) Арх. министерства иностранныхъ дѣлъ. Campagnes en Turquie. Cart. № 73.

бинетомъ видна необыкновенная предупредительность послѣдняго. Любезность Наполеона не знала предѣловъ. „Я представлялъ императору—пишетъ Шампаньи (герцогъ Кадорскій) князю Куракину ⁽²⁵⁾ — письмо, которымъ вы меня удостоили, чтобы окончить, когда состояніе вашего здоровья позволитъ, порученіе, вамъ данное относительно поздравленія императора, моего государя, по случаю бракосочетанія его съ эрцгерцогинею Маріею-Луизою. Его величество императоръ и король очень признателенъ выраженію чувствъ своего друга и союзника. Онъ поручилъ мнѣ сказать вамъ, что полагаетъ послать немедленно въ Россію курьера съ собственноручнымъ письмомъ, чтобы благодарить Императора Александра за его чувства и расположеніе. Императоръ съ большимъ прискорбіемъ узналъ о продолженіи вашей болѣзни, которая не дозволяетъ вамъ получить лично столь пріятное извѣстіе. Его величество вамъ далъ уже доказательство того участія, которое онъ принимаетъ въ вашемъ выздоровленіи.“

Этимъ письмомъ не ограничились любезность и вниманіе французскаго правительства къ послу дружественной державы. По приказанію Наполеона, французскій министръ иностранныхъ дѣлъ почти въ то же время отправилъ письмо къ Лессепсу, французскому консулу въ Петербургѣ, въ которомъ высказывалъ, что союзъ съ австрійскимъ домомъ нисколько не измѣняетъ политики тюльерійскаго кабинета и что союзъ съ Россіею остается, по прежнему, въ высокой цѣнѣ для Франціи. Письмо это было отправлено изъ Парижа по почтѣ, и даже, противъ обыкновенія, не шифрованное, съ тою, конечно, цѣлію, чтобы, пройдя черезъ всю Европу, которая не упустила случая его прочесть, оно могло сдѣлать извѣстнымъ систему политическихъ дѣйствій Франціи и расположенія ея къ Россіи.

„Войны—писалъ Шампаньи къ Лессепсу ⁽²⁶⁾ — которыя съ давнихъ поръ опустошаютъ континентъ Европы, прямое слѣдствіе и плоды англійской политики. Только она даетъ начало этой борьбѣ, столько разъ возобновляемой и всегда гибельной для государствъ, которыя выкажутъ наибольшую поспѣшность выйти на это поприще. Только дѣйствіемъ интригъ Англій мы

⁽²⁵⁾ Изъ Компьева, отъ 23-го марта 1810 г. Арх. министерства иностранныхъ дѣлъ.

⁽²⁶⁾ Copie d'une lettre du Duc de Cadore à M-r Lesseps, consul général de France à S.-Petersbourg du 27 Fevrier n. s. 1810. Арх. министерства иностранныхъ дѣлъ.

имѣемъ войну, которой побѣды оканчиваются миромъ, диктуемымъ великодушіемъ и умѣренностію, и за которымъ слѣдуетъ новая война, имѣющая тѣ же результаты. Чтобы кровь текла непрерывно на континентѣ—таковы желанія Англіи. Можетъ случиться, что Англія будетъ стараться усилить общее мнѣніе, будто императоръ имѣетъ въ виду низверженіе главныхъ династій, царствующихъ въ Европѣ. Императоръ пользуется настоящимъ случаемъ, чтобы уничтожить этотъ лживый слухъ и разсѣять всѣ родившіяся отъ того безпокойства.

„Призванный образовать новую династію и выбрать супругу между различными принцессами Европы, императоръ хотѣлъ дать тѣмъ доказательство своего желанія обезпечить всегдашнее спокойствіе этой части свѣта и поддержать его своимъ могуществомъ. Онъ соединяется прочнымъ союзомъ съ тѣмъ домомъ, о которомъ говорили, будто императоръ думалъ объ его уничтоженіи. Число качествъ, столь же возвышенныхъ, сколько и блестящихъ, эрцгерцогини Маріи-Луизы, ея лѣта, ея преимущества во всемъ заставляють думать, что и въ другихъ отношеніяхъ, напимѣръ въ политическомъ, императоръ не могъ сдѣлать лучшаго выбора. Онъ спрашивалъ согласія на этотъ бракъ у ея отца, императора австрійскаго, который поспѣшилъ согласиться. Князь Нешательскій отъѣзжаетъ, чтобы сдѣлать торжественное предложеніе и присутствовать въ Вѣнѣ какъ повѣренный свидѣтель обрученія.

„Императоръ пользуется случаемъ соединить двѣ великія націи и дать доказательства своего уваженія къ народу австрійскому, и въ особенности жителямъ города Вѣны. Такимъ образомъ, будущее родство императора съ австрійскимъ домомъ служить залогомъ спокойствія на континентѣ. Обѣ націи не имѣютъ основанія бояться продолженія войны. Интриги англичанъ не будутъ сбивать ихъ съ пути. Императоръ не имѣетъ непріятелей, кромѣ англичанъ, и только относительно ихъ будутъ направлены всѣ его средства.

„Это письмо указываетъ направленіе, которому вы должны слѣдовать. Не давайте мѣста идеѣ, что нашъ союзъ съ Россією будетъ ослабленъ. Наши отношенія съ этою великою державою останутся тѣ же. Политическій союзъ, которому императоръ придаетъ большую цѣну, приближаетъ насъ къ ней. Предстоящій фамилный союзъ привлекаетъ насъ къ Австріи. Точное соединеніе этихъ двухъ союзовъ окончательно убьетъ надежду

англичанъ и будетъ прочнымъ основаніемъ всегдашнему миру въ Европѣ.⁴

Два главные обстоятельства исключительно занимали тогда вниманіе императора Наполеона и отдаляли его отъ всѣхъ дѣлъ, прямо или непосредственно не касавшихся Франціи. Дурной ходъ переговоровъ съ Англіею составлялъ его первую, а испанскія дѣла вторую заботу, тѣмъ болѣе, что, по самымъ достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, они принимали оборотъ весьма неблагоприятный для Наполеона. Большая часть французскихъ войскъ, собранныхъ въ нѣмецкихъ земляхъ, получила приказаніе готовиться къ походу и предназначалась для дѣйствія въ Испаніи (27). Императоръ Наполеонъ, будучи недоволенъ распоряженіями начальствовавшихъ тамъ генераловъ, отправилъ въ Испанію, для предводительствованія арміею, Массену, который согласился принять начальство только съ условіемъ, что если онъ въ теченіе шести мѣсяцевъ не успѣетъ окончить дѣла, то чтобы Наполеонъ отозвалъ его обратно. Массена не желалъ брать на себя отвѣтственности въ продолженіи испанской войны, отъ которой не предвидѣлъ полезныхъ для Франціи послѣдствій. Въ помощь Массенѣ данъ былъ Макдональдъ. Назначеніе этихъ двухъ лицъ не удовлетворило войска. Всѣ, и начальники и подчиненные, просили единодушно Наполеона, чтобы онъ самъ пріѣхалъ исправить и устроить положеніе дѣлъ, потому что успѣхи французскаго оружія въ Испаніи становились сомнительными. Король Іосифъ оставилъ армію и возвратился въ Мадридъ. Наполеонъ, какъ кажется, самъ сомнѣвался въ успѣхѣ. День за день откладывалъ онъ свой отъѣздъ, а потомъ и совсѣмъ отложилъ его до осени или до зимы, подъ предлогомъ, что въ это время года англичанамъ труднѣе имѣть сообщеніе съ своимъ отечествомъ. Невозможность для англичанъ отплыть изъ Испаніи осенью или зимою, по словамъ Наполеона, была удобнѣйшимъ для него временемъ для ихъ пораженія. Отъѣздъ его въ Испанію еще болѣе замедлялся тѣмъ, что въ самой Франціи, въ разныхъ портахъ, были койманя поджигатели народнаго волненія и замѣчена наклонность къ тому многихъ жителей.

Всего болѣе раздражалъ Наполеона ходъ переговоровъ его съ Англіею, которые, повидимому, также не могли хорошо окончиться для Франціи.

(27) Арх. министерства иностранныхъ дѣлъ. № 97.

Послѣ брака Наполеона съ австрійскою эрцгерцогинею, или, выражаясь дипломатическимъ языкомъ, „по совершепіи фамильнаго союза между Франціею и Австріею“, послѣдней сдѣланы были мирныя предложенія англійскому двору. Сень-джемскій кабинетъ отвѣчалъ, что не иначе можетъ приступить къ трактованію о мирѣ, какъ только тогда, когда на конгрессѣ будутъ допущены полномочные отъ испанскаго правительства, дѣйствующаго именемъ Фердинанда VII. Англійское правительство укоряло при этомъ австрійскаго императора въ томъ, что онъ, будучи ближайшимъ по крови родственникомъ Фердинанда VII, дѣлаетъ съ своей стороны предложенія въ опроверженіе законныхъ его правъ (28). Императоръ Наполеонъ, не получивъ, такимъ образомъ, желаемаго успѣха отъ попытки вѣнскаго двора, обратился къ другому средству. Послѣ отвѣта англійскаго правительства, столь неудовлетворительнаго для Франціи и Австріи, онъ сталъ домогаться у Англійи о развѣнчаніи плѣнныхъ. Упорная настойчивость нѣкоторыхъ членовъ парламента принудила англійское правительство согласиться на домогательства французскаго императора. „Впрочемъ — писалъ графъ Румянцевъ графу Каменскому — вѣроятно и сія (29) негочіяція, начатая, какъ видно, для успокоенія только народа, останется безъ дальняго успѣха. Найдеть ли Англія для себя выгоднымъ возвратить болѣе 30,000 французскихъ матросовъ, находящихся у нея въ плѣну?“

Наполеонъ изыскивалъ однакожъ съ своей стороны всѣ способы, чтобы принудить англійское министерство или дать ходъ переговорамъ, которые потомъ могли открыть дорогу къ переговорамъ о самомъ мирѣ, или же чтобы правительство Англійи обнаружало передъ своимъ народомъ принятую имъ рѣшимость не соглашаться ни на какія мирныя предложенія, даже и въ томъ случаѣ, если бы они были выгодны для Англійи. Въ такомъ предположеніи, Наполеонъ предлагалъ, въ дополненіе неравнаго числа плѣнныхъ, во Франціи находившихся, придать 40,000 испанскихъ плѣнныхъ, съ дозволеніемъ имъ служить противъ Франціи, и сверхъ того онъ думалъ дать такое же точно дозволеніе и ганноверскимъ войскамъ, которыя при сдачѣ Ганновера были отпущены въ Англійю, съ обѣщаніемъ не служить противъ Франціи.

(28) Арх. министерства иностранныхъ дѣлъ. *Campagnes en Turquie*. Карт. № 73.

(29) Графъ Румянцевъ къ графу Каменскому, отъ 17-го мая 1810 года.

Находясь самъ, во время переговоровъ съ Англіею, въ Антверпенѣ, онъ отправилъ курьера къ послу своему въ С.-Петербургъ съ повелѣніемъ всѣ подробности своихъ переговоровъ съ Англіею сообщить русскому министерству. Герцога Кадорскаго не было тогда съ императоромъ въ Антверпенѣ, и потому всѣ депеши, полученныя въ Петербургъ съ французскимъ курьеромъ, были за подписью морскаго министра. Вскорѣ потомъ, передъ отъѣздомъ императора Александра въ Москву, прибылъ въ С.-Петербургъ отъ Наполеона нѣкто Ватвиль, офицеръ свиты его, съ письмомъ къ государю, наполненнымъ удостовѣреніемъ въ искреннемъ и постоянномъ желаніи императора Наполеона во всѣхъ случаяхъ сохранить связь и тѣснѣйшій союзъ съ русскимъ императоромъ ⁽³⁰⁾.

„Приношу благодарность — писалъ императоръ Александръ Наполеону — за ваше письмо изъ Лакена отъ 16-го мая и за присылку ко мнѣ г. Ватвиля. Я очень цѣню увѣренія въ вашей дружбѣ и, съ своей стороны, предаю вамъ столь же искренно, сколько и неизмѣнно. Союзъ нашихъ имперій обезпечиваетъ миръ Европы. Его неразрывность придаетъ силу мѣрамъ, принятымъ вашимъ величествомъ противъ Англіи. Съ моей стороны не будетъ упущено ничего для утвержденія сего союза и для убѣжденія въ наблюденіи его мною, на основаніи принятыхъ мною правилъ, независимо отъ моихъ личныхъ чувствъ преданности и уваженія къ особѣ вашего величества.“ ⁽³¹⁾

По прибытіи Наполеона въ столицу, новый курьеръ былъ отправленъ въ Петербургъ. Французскій императоръ сообщалъ о продолженіи переговоровъ съ Англіею. Онъ желалъ привести петербургскій кабинетъ къ тому заключенію, что Франція весьма близка къ достиженію мира съ Англіею, стараясь показать, что будто и сама Англія сильно того желаетъ. Наше правительство не поддавалось однако на удочку, закидываемую довольно искусно. Канцлеръ видѣлъ дѣла такъ, какъ они были на самомъ дѣлѣ. „Принявъ за правило искренно сообщать мысли мои вашему сіятельству — писалъ графъ Румянцевъ въ одной изъ депешъ своихъ къ графу Каменскому — не скрою отъ васъ и теперь,

⁽³⁰⁾ Графъ Румянцевъ къ графу Каменскому, отъ 3-го іюня 1810 г. Арх. министерства иностранныхъ дѣлъ.

⁽³¹⁾ Арх. министерства иностранныхъ дѣлъ.

что не думаю, чтобы миръ между ними (т. е. Франціею и Англіею) совершился.“

Въ англійскомъ министерствѣ послѣдовала хотя частная, но весьма важная перемена. Канингъ принявъ опять министерство иностранныхъ дѣлъ, а лордъ Велеслей, временно имъ управлявшій, занялъ мѣсто канцлера казначейства. Вслѣдствіе такой перемены, англійское правительство приняло твердое намѣреніе поддержать сильнѣйшимъ образомъ испанцевъ. Все это, конечно, увеличивало заботы Наполеона. Между тѣмъ, всѣ извѣстія подтверждали, что французскія дѣла въ Испаніи находились въ весьма дурномъ положеніи, и притомъ на столько, что Наполеонъ отложилъ до будущаго года свое намѣреніе короноваться въ Римѣ, а также и всѣ свои предпріятія, какія предполагалъ привести въ исполненіе относительно Порты Оттоманской. Столновенія съ папою, производившія многія неудовольствія внутри самой Франціи, принудили въ послѣдствіи Наполеона искать съ нимъ сближенія черезъ посредство графа Меттерниха, который, бывъ въ Парижѣ, сносился съ нимъ по этому вопросу⁽³²⁾. Пана однакожь отвергъ всѣ предложенія Наполеона и отовзался, что не можетъ вступить съ нимъ ни въ какія сношенія до тѣхъ поръ, пока не будетъ возстановленъ во всѣхъ правахъ своихъ и во всей власти.

Находясь въ столь затруднительныхъ обстоятельствахъ, Наполеонъ очень нуждался въ добромъ расположеніи императора Александра. Нашъ посланникъ въ Парижѣ, князь Куранинъ, при всякомъ удобномъ случаѣ получалъ отзывы Наполеона насчетъ союза съ Россіею и приверженности французскаго императора къ Александру. Желаніемъ сохранить союзника можно объяснить холодность, которою отличались поступки Наполеона съ графомъ Замоискимъ, присланнымъ въ Парижъ отъ саксонскаго короля съ поздравленіемъ по случаю бракосочетанія императора. Около этого времени въ „Journal de l'Empire“ появилась весьма любопытная статья о Польшѣ. Статья написана была, безъ всякаго сомнѣнія, для русскаго правительства: ею Наполеонъ хотѣлъ еще болѣе увѣрить насъ, что онъ оставилъ поляковъ на собственный ихъ произволь.

Пріемъ графа Замоискаго, появленіе статьи въ „Journal de l'Empire“ были, конечно, сдѣланы въ томъ намѣреніи, чтобы

⁽³²⁾ Денеша канцлера къ графу Каменскому отъ 23-го іюня 1810 года. Арх. министерства иностранныхъ дѣлъ. Campagnes en Turquie. Картоны № 73.

показавъ холодность императора Наполеона къ Польшѣ и отнять черезъ то всякое подозрѣніе петербургскаго кабинета насчетъ покровительства его полякамъ, такъ тщеславившимся имъ, и тѣмъ самымъ отдалить все то, что могло малѣйшимъ образомъ ослабить союзъ съ Россіею. „Все сіе — писалъ графъ Румянцевъ къ графу Каменскому — обнаруживаетъ то, что императоръ Наполеонъ, обремененный уже многими затрудненіями, старается избѣгать новыхъ. Дѣла его, особливо же въ Испаніи, въ такомъ положеніи, что, конечно, въ теченіе сего года не успѣетъ онъ распутать ихъ на столько, чтобы обратить вниманіе свое на другой край.“ Однимъ словомъ, Наполеонъ являлся петербургскому кабинету, думая усыпить или обмануть его. Продолжая поддерживать дружественныя сношенія съ Франціею, наше правительство мало вѣрило въ искренность словъ и поведенія, принятаго Наполеономъ. „Я не скрою отъ васъ — писалъ графъ Румянцевъ графу Каменскому въ одной изъ своихъ депешъ (33)—того, что хотя дѣйствительно императоръ Наполеонъ во всѣхъ случаяхъ тщится показывать дружество и привязанность къ нашему августѣйшему Монарху, но и, тѣмъ себя не ослѣпляя, почитаю сіе не столько дѣйствительнымъ личной его склонности, сколько послѣдствіемъ затруднительнаго положенія, въ каковое многія обстоятельства его послѣдили и въ коемъ вырѣ нужно ему, болѣе нежели когда-нибудь, сохранить доброе къ себѣ расположеніе Его Величества и поддержать существующій между ими союзъ.“

Какъ будто въ оправданіе словъ нашего канцлера, извѣстія изъ Парижа подтверждали его мысли. Около этого времени Наполеонъ возвратился изъ Фландріи, оставившись весьма недоволенъ расположеніемъ, какое онъ встрѣтилъ къ себѣ въ жителяхъ того края. Мѣры, принятыя имъ относительно Голландіи, не принесли ожидаемыхъ имъ выгодъ. Изнуривъ прежде и изнуря новыми своими распоряженіями, онъ раздражилъ противъ себя жителей Голландіи до высочайшей степени. По-неоду была видна запутанность дѣлъ Французскаго императора: военное, напримѣръ, извѣстіе, что герцогъ Оравинскій прибылъ изъ Сициліи въ Кадиксъ, гдѣ, по слухамъ, собирались аррестовать или государственные чины, съ намѣреніемъ предложить герцогу регентство Испаніи.

(33) Графъ Румянцевъ къ графу Каменскому. Арх. министерства иностранныхъ дѣлъ. Вартонъ № 73.

При такихъ обстоятельствахъ, курьеры изъ Парижа привозили поминутно новыя удостовѣренія Наполеона къ императору Александру о твердомъ его желаніи сохранить тѣснѣйшую дружбу съ Россіею во всей ея силѣ и цѣлости. Узнавъ, что избраніе принца Понте-Корво въ наслѣдники шведскаго престола подало поводъ къ разнаго рода разглашеніямъ насчетъ союза между Россіею и Франціею и что будто Франція готовится способствовать Швеціи въ томъ, чтобы возвратить ей Финляндію, Наполеонъ опровергъ эти слухи официальною статьею въ газетахъ. Чтобы объяснить подобный поступокъ французскаго императора, необходимо сдѣлать небольшое отступленіе.

Карль XIII, шведскій король, не имѣлъ ни наслѣдниковъ, ни надежды на рожденіе сына; потому шведы выбрали своимъ наслѣднымъ принцемъ ближайшаго изъ родственниковъ короля датскаго. Избраніе принца Христиана-Августа Аугустенбургскаго было торжественно провозглашено въ августѣ 1809 года, а въ январѣ 1810 года принцъ прибылъ въ Швецію, гдѣ былъ принятъ съ восторгомъ горожанами и поселянами и недоброжелательно аристократами. Между послѣдними у него было много враговъ. Особенно недовольны были выборомъ старинныя аристократическія фамиліи Ферзеновъ и Пинкеровъ. Одинъ изъ Ферзеновъ, какъ увидимъ ниже, заплатилъ за это жизнью.

Слабость Карла XIII, лишеннаго всякой физической и нравственной опоры въ государствѣ, давала полныи престолю интригамъ аристократіи, имѣвшей „полуторавѣдковую привычку строить козни“. Положеніе кронъ-принца не было однако неприятно: принцъ былъ обожаемъ двумя низшими сословіями и казался опаснымъ для враговъ готторпскаго дома, но не могъ прекратить безпорядковъ.

При собраніи милиціи, напримѣръ, народъ рѣшительно не повиновался никакой власти, такъ что желанія шведскаго короля собрать до 50,000 человекъ не исполнились⁽³⁴⁾. Въ мѣсь 1810 года получено было въ Петербургѣ извѣстіе, что кронъ-принцъ шведскій, во время путешествія своего по провинціямъ, осматривая войска близъ Гельзингборга, отъ цвѣрла скончался⁽³⁵⁾. Внезапность этой кончины подала по-

(34) Донесеніе Штейнгела къ Барклаю-де-Толли отъ 14-го мая 1810 г. Арх. военно-топографическаго депо, № 50,295, книга 54.

(35) Денеша графа Румянцева къ графу Каменскому отъ 3-го іюня 1810 г. Арх. министерства иностранныхъ дѣлъ.

воду по многимъ толкамъ въ Стокгольмѣ: говорили объ отравѣ, такъ какъ принцъ, поѣвъ паштета, котораго никто кромѣ него не ѣлъ, почувствовалъ себя дурно и на смотру упалъ съ лошади и скоропостижно умеръ. Хотя доктора, вскрывавшіе тѣло, объявили, какъ обнародовано было, что онъ скончался отъ апоплексическаго удара, но большая часть жителей столицы оставались въ убѣжденіи, что принцъ былъ отравленъ. Несмотря на то, что не было достаточныхъ причинъ ни утверждать, ни отрицать подозрѣнія, оно однакожъ усилилось на столько, что въ злодѣяніи этомъ стали явно укорять нѣкоторыхъ лицъ, приверженныхъ къ дому прежде царствовавшаго короля, и особенно указывали на оберъ-гофмаршала графа Ферзена и сестру его графиню Пиперъ. Подозрѣнія были причиною, что въ тотъ день, когда тѣло кронпринца ввезено было въ Стокгольмъ, въ столицѣ произошло возмущеніе, и графъ Ферзенъ, находившійся по званію своему въ процесіи, былъ схваченъ разъяренною толпою и преданъ смерти самымъ жестокимъ образомъ⁽³⁶⁾. Дворецъ графини Пиперъ былъ опустошенъ; волненіе въ столицѣ продолжалось и наиболѣе выразилось на третій день послѣ катастрофы. Вотъ подробности этого происшествія. Во время слѣдованія, 8-го (20-го) іюня, по одной изъ улицъ Стокгольма тѣла покойнаго принца, произошла одна изъ ужасныхъ сценъ. Графъ Ферзенъ, слѣдовавшій въ своей каретѣ впереди и подозрѣваемый въ отравленіи принца, былъ окруженъ толпою, бросавшею каменя въ его карету до такой степени сильно, что Ферзенъ былъ раненъ. Желая избѣжать дальнѣйшей неприяности, онъ вышелъ изъ кареты и скрылся въ домѣ одного часовщика. Генералъ Силверспаре, командовавшій войсками, помогъ графу Ферзену спрятаться въ одной изъ комнатъ. Народъ бросился за нимъ слѣдомъ, выломалъ двери, окружилъ Ферзена, сорвалъ съ него ордена, разорвалъ его платье, отнял шпагу, и все это было выброшено на улицу. Самъ генералъ Силверспаре долженъ былъ спастись черезъ окно. Онъ увѣщевалъ народъ, бывшій на улицѣ, прекратить безпорядки и спрашивалъ, будетъ ли онъ спокоенъ, если поведутъ графа Ферзена для суда и приговора въ городскую думу. Большая часть публики отвѣчала, что она останется спокойною; но когда

⁽³⁶⁾ Графъ Руминцевъ къ графу Каменскому, отъ 23-го іюня. *Campanes en Turquie*. Картоны № 73.

графъ Ферзенъ сталъ подходить къ душѣ, народъ бросился на графа, и онъ былъ избитъ ударами палокъ, тростей и зонтиковъ. Вышедшіе при этомъ солдаты въ большомъ числѣ остались праздными зрителями. Народъ требовалъ смерти графини Имперъ, графа Фабіана, графа Угласа и Росси, доктора короля, который находился при принцѣ во время его болѣзни и смерти.

Въ тотъ же день прибылъ въ столицу король, узнавшій о происшествіи, и собралъ совѣтъ. Надо было принять мѣры довольно серьезныя, чтобы возстановить по возможности спокойствіе публики. Первые распоряженія клонились къ тому, чтобы разогнать народъ, собравшійся вокругъ королевскаго замка; но, несмотря на всѣ увѣщанія и предупрежденія, народъ не хотѣлъ разойтись по домамъ. Тогда приказано было войску разогнать его, при чемъ 9 человекъ убито, 15 ранено пулями и 200 человекъ получили сабельныя раны. Въ обезпеченіе русскаго посланника, король приказалъ послать въ домъ, занимаемый нашею миссіею, 25 человекъ солдатъ при офицерѣ. Этимъ дѣло однакожь не кончилось. Волненіе не было прекращено и продолжалось по прежнему, такъ что король вынужденъ былъ послать курьеровъ съ приказаніями войскамъ, находившимся въ окрестностяхъ, спѣшить въ столицу. Всѣ распоряженія по усмиренію волновавшихся были поручены королемъ генераламъ Адлеркранцу и Скѣльдебрандту, военному губернатору города.

Серьезныя мѣры, принятыя распорядителями, и сильный дождь, начавшійся съ ночи 8-го (20-го) и продолжавшійся ровно двадцать-четыре часа, были причиною, что толпа разошлась. Въ продолженіе всей ночи однакожь войска оставались на своихъ мѣстахъ, кавалерія имѣя лошадей осѣдланными, а артиллерія запряженными. Эти волненія, истощая болѣе и болѣе Швецію, отнимали у нея послѣдніе способы къ замысламъ относительно сосѣднихъ державъ. Она не могла быть опасною для Россіи въ дѣлахъ европейскихъ. Въ концѣ іюня долженъ былъ собраться сеймъ въ Стокгольмѣ, для избранія новаго наследника престола. Выборъ могъ быть сдѣланъ изъ трехъ кандидатовъ, которыми полагали: старшаго брата покойнаго кронъ-принца, владѣтельнаго герцога ольденбургскаго и короля датскаго. Въмѣсто столицы мѣстомъ для собранія государственнаго сейма назначенъ былъ городъ Эребро. Первое предложеніе со стороны Швеціи о наследіи сдѣлано было принцу Аугу-

стенбургскому, старшему брату умершаго кронъ-принца; но въ то же самое время король датскій отнесся письмомъ къ королю шведскому, въ которомъ высказывалъ желаніе быть наследникомъ шведскаго престола. Датскій король доказывалъ, что соединеніемъ подъ одну державу трехъ скандинавскихъ королевствъ всѣ ихъ интересы и стремленія сольются въ одно цѣлое. Датскій кабинетъ не скрылъ этого письма отъ петербургскаго кабинета⁽²⁷⁾ и просилъ подтвердить исканіе датскаго короля содѣйствіемъ императора Александра. Рѣшившись однажды не принимать никакого участія въ томъ, что будетъ касаться до выбора наследника шведскаго престола, императоръ Александръ не перемѣнилъ своего рѣшенія, тѣмъ болѣе, что и самая краткость времени не позволяла сдѣлать услуги королю датскому. Между тѣмъ, графъ Стедингъ, вслѣдствіе данныхъ ему предписаній и въ знакъ довѣренности, сообщилъ графу Румянцеву три весьма любопытныхъ документа, относившихся до искательства престолонаслѣдія. Документы эти были: 1) письмо короля датскаго къ королю шведскому, въ которомъ онъ старается доказать свои права быть въ числѣ кандидатовъ на шведскій престолъ; 2) отвѣтъ шведскаго короля, который, не отвергая рѣшительно исканій датскаго короля, не подтверждалъ ихъ, и, наконецъ, 3) отвѣтъ принца Аугустенбургскаго, который на сдѣланное ему предложеніе отозвался, что не можетъ быть соперникомъ королю, своему благодѣтелю, у котораго въ службѣ онъ находится.

Всѣ эти три документа были представлены секретному комитету сейма, который занимался разсмотрѣніемъ правъ кандидатовъ на наслѣдство шведскаго престола. Самъ король склонялся въ пользу принца Аугустенбургскаго.

Такимъ образомъ, хотя назначеніе наследника и не было окончательно рѣшено, но никто не сомнѣвался, что большинство голосовъ будетъ въ пользу принца Аугустенбургскаго. Въ числѣ кандидатовъ представленъ также былъ маршалъ Бернадотъ (князь Понте-Корво); но въ его пользу, въ секретномъ комитетѣ сейма, въ первое время былъ только одинъ голосъ, тогда какъ изъ двѣнадцати голосовъ одиннадцать были въ пользу принца Аугустенбургскаго. Между тѣмъ, въ продолженіе выборовъ въ Эребро, бывший шведскій король Густавъ IV изъ Швейцаріи пріѣхалъ внезапно въ Берлинъ и

(27) Графъ Румянцевъ къ гр. Каменскому, отъ 12-го августа 1810 г. № 118.

остановился тамъ у шведскаго министра барона Таубе. Оттуда онъ ѣздилъ въ Потсдамъ, искалъ случая видѣться съ королемъ, но, не успѣвъ въ томъ, возвратился въ Берлинъ и на другой день отправился въ Виттембергъ, близъ Лейпцига. Наружнымъ поводомъ его пріѣзда въ Берлинъ было то, чтобы черезъ барона Таубе получить изъ Швеціи проценты съ принадлежащихъ ему тамъ капиталовъ. Въ самомъ же дѣлѣ хотѣлъ онъ употребить посредство барона Таубе, чтобы при настоящихъ выборахъ наслѣдника сохранить права своему сыну; но рассчитывать на успѣхъ было трудно. Въ Швеціи была правда партія, наклонная въ пользу молодого и несчастнаго принца; однако она ограничивалась нѣкоторою частию крестьянскаго сословія.

Всѣ эти происшествія, такъ неудачно начавшіяся для Бернадота, кончились весьма для него благоприятно: его избрали наслѣдникомъ шведскаго престола. Бернадотъ былъ извѣстенъ въ Швеціи съ очень выгодной стороны, съ тѣхъ поръ, какъ управлялъ Гамбургомъ и ганзейскими городами и явилъ себя благодуннымъ къ шведскому отряду графа Мердера, взятому имъ въ плѣнъ.

Мердеръ и другіе офицеры, съ которыми онъ былъ тогда очень любезенъ, имѣли сильное вліяніе между аристократами, выбиравшими наслѣдника престола. Кромѣ того Бернадотъ пріобрѣлъ дружбу и другихъ лицъ, когда командовалъ французскими войсками въ сѣверной Германіи и Ютландіи.

Мердеръ, составившій партію въ пользу Бернадота, послалъ своего племянника въ Парижъ съ предложеніемъ князю Понте-Корво, но съ условіемъ отказаться отъ французскаго гражданства и перейти въ лютеранство. Эти условія заставили Бернадота отвѣчать, что онъ готовъ принять выборъ, но не иначе, какъ съ разрѣшенія императора Наполеона. Говорятъ, будто бы Наполеонъ требовалъ отъ Бернадота обѣщанія, что онъ никогда не будетъ воевать съ Франціею. Какъ бы то ни было, Наполеонъ освободилъ его отъ присяги, что и засвидѣтельствовалъ актомъ; далъ ему два милліона наличными деньгами, послалъ съ нимъ свиту и позволилъ ему сохранить дома мѣстья, купленныя во Франціи. Одною изъ главнѣйшихъ причинъ общаго въ пользу его расположенія было предложеніе, сдѣланное Бернадотомъ, что имѣющійся у него въ гамбургскомъ банкѣ капиталъ, состоявшій изъ восьми милліоновъ фран-

ковъ, перенесеть онъ въ стокгольмскій банкъ; что сверхъ того заплатитъ три милліона рейхсталеровъ нанесеннаго шведамъ убытка за захваченныя въ минувшую войну суда ихъ французами и выкупитъ шведскія имѣнія въ Помераніи.

21-го августа (нов. ст.) предложеніе короля о князѣ Понте-Корво представлено было общему собранію сейма, одобрено имъ и обнародовано въ Стокгольмѣ ⁽³⁸⁾ 25-го августа 1810 года.

Это событіе произвело важныя послѣдствія въ политическомъ кругу; но во внутреннемъ положеніи дѣлъ нельзя было полагать, чтобы Швеція приобрѣла новую силу и устройство. Бернадотъ, какъ иностранецъ, не могъ нравиться шведской націи. Оставя свой законъ и принявъ лютеранство, Бернадотъ подвергалъ себя сильному нареканію въ такой землѣ, которая привязана къ своей религіи.

Надобно было предполагать, что супруга Бернадота не перемѣнитъ вѣры, и, слѣдовательно, необходимо было учредить въ Стокгольмѣ католическую церковь. Все это не могло нравиться шведской націи, и потому казалось вѣроятнымъ, что смуты и раздоры, существовавшіе въ Швеціи, не только не уменьшатся, а, напротивъ того, продолжатся на неопредѣленное время.

Выше мы упомянули о путешествіи по Германіи бывшаго шведскаго короля Густава IV и о двукратномъ появленіи его въ Берлинѣ. Густавъ IV пріѣзжалъ потомъ въ Мемель съ намѣреніемъ плыть оттуда на кораблѣ въ Англію; но тамошнее начальство ему этого не дозволило. Изъ Мемеля онъ отправился въ Полангенъ. Какъ только извѣстіе это дошло до Петербурга, императоръ Александръ тотчасъ послалъ къ нему одного изъ своихъ генералъ-адъютантовъ съ привѣтствіемъ и съ приказаніемъ оказать ему всякое пособіе и услуги, если онъ намѣренъ отправиться въ Англію изъ нашихъ портовъ. Не желая съестъ на купеческое судно съ тѣмъ, чтобы отплыть въ Англію, Густавъ IV довольно долго оставался въ Курляндіи. Императоръ Александръ готовъ былъ даже не препятствовать, чтобы англійское судно могло войти въ нашъ портъ взять Густава IV. Для бывшаго шведскаго короля и это разрѣшеніе было, повидимому, невозможно по позднему времени года. Англійская эскадра отошла не только отъ нашихъ, но и

⁽³⁸⁾ Графъ Румянцевъ къ графу Каменскому, отъ 23-го августа 1810 г. Арх. министерства иностранныхъ дѣлъ.

отъ шведскихъ береговъ, такъ что Густаву IV, казалось, не было никакой возможности списаться съ начальникомъ англійскаго флота, адмираломъ Сомаресомъ; однакожь онъ успѣлъ въ томъ. Изъ Риги, куда онъ пріѣхалъ, Густавъ успѣлъ дать знать Сомаресу, который прислалъ англійскій фрегатъ въ Динамондъ подъ парламентарскимъ флагомъ, и шведскій король отправился на немъ, 10-го октября, въ Англію ⁽³⁹⁾.

Пребываніе Густава IV въ Курляндіи и намѣреніе его отправиться въ Англію производили въ Швеціи большую тревогу.

Несмотря на готовность императора Александра оказать содѣйствіе къ отплытію Густава IV, личнаго врага Наполеона, французскій императоръ не переставалъ являть своей предупредительности и увѣреній въ искренней и неразрывной дружбѣ съ Россією.

Избраніе Бернадота наслѣдникомъ шведскаго престола послужило предлогомъ новыхъ увѣреній Наполеона императору Александру. Офіціальныя газеты твердили о союзѣ Франціи съ Россією. Французскій посланникъ въ Петербургѣ получилъ приказаніе своего двора сообщить нашему канцлеру и увѣрить его въ томъ, что, при отъѣздѣ князя Понте-Корво изъ Парижа, Наполеонъ болѣе всего подтверждалъ ему съ Россією сохранять совершенное согласіе. Французскій министръ въ Стокгольмѣ, баронъ Алкье, то же самое говорилъ нашему посланнику Сухтелену, прибавляя, что инструкціи предписываютъ ему сохранить самыя тѣсныя связи съ русскою миссією въ Стокгольмѣ. Послѣ обѣда, даннаго Сухтеленю дипломатическимъ агентамъ различныхъ дворовъ, баронъ Алкье вошелъ съ нашимъ посланникомъ въ довольно длинныя объясненія, касавшіяся политической системы, принятой его дворомъ.

„Il me donna—писалъ Сухтеленъ ⁽⁴⁰⁾—les plus fortes assurances que son souverain n'avait pas meme eu l'idée de l'intention qu'on lui attribuait de vouloir entretenir pour la restitution de la Finlande à la Suède; que l'empereur Napoleon etait également bien persuadé que la Finlande devait appartenir à la Russie, afin de centraliser la residence de ses souverains.“ ⁽⁴¹⁾

⁽³⁹⁾ Депеша графа Румянцева отъ 8-го и 21-го октября 1810 г. Арх. министерства иностранныхъ дѣлъ.

⁽⁴⁰⁾ Copie d'une dépêche du général Suchtelen en date de Stockholm du 4/18 Octobre 1810.

⁽⁴¹⁾ „Онъ далъ мнѣ самыя сильныя удостовѣренія въ томъ, что императоръ вовсе не имѣлъ намѣренія, которое ему приписываютъ, о возвращеніи Финляндіи
Т. XLIII. Отд. II. 13

Самъ князь Понте-Корво изъяснялъ миролюбивыя расположенія къ Россіи, тѣмъ болѣе, что шведскія дѣла были въ то время не въ блестящемъ положеніи. Въ письмѣ своемъ къ шведскому королю Бернадотъ говоритъ: „Tous mes vœux sont pour le paix. Si pourtant l'état avoit besoin un jour de mon épée, les Suedois la verront au champ d'honneur telle qu'elle doit être portée par l'heritier du trône de Votre Majesté“ (42).

Въ то время, когда, по общему мнѣнію, шведское правительство все дѣлало въ угоду Наполеону, французскій императоръ предписалъ своему министру въ Стокгольмѣ изъяснить негодованіе его тамошнему двору по поводу продолжавшихся тайныхъ сношеній Швеціи съ Англією. Баронъ Алкье получилъ приказаніе сообщить объ этомъ и русскому министерству и просить, чтобы наша въ Стокгольмѣ миссія своими внушеніями подкрѣпила домогательства Франціи у стокгольмскаго кабинета. Наполеонъ предписалъ своему посланнику требовать, чтобы Швеція строжайшимъ образомъ соблюдала континентальную систему и объявила войну Англіи. Вообще онъ былъ крайне недоволенъ поступками Швеціи, лично и изустно упрекалъ шведскаго посланника Лагербальке и высказывалъ ему причину своего неудовольствія.

— Или Швеція считаетъ меня дуракомъ?—говорилъ французскій императоръ. — Я не хочу двусмысленныхъ дѣйствій, чувствительныхъ фразъ: мнѣ нужны факты. У васъ остается англійскій агентъ. Ваши суда находятся во всѣхъ англійскихъ гаваняхъ; англійскія суда наполняютъ готенбургскую гавань; ваши острова служатъ магазинами ихъ товаровъ; вы перевозите ихъ колоніальныя товары въ Германію; я захватилъ такой транспортъ въ Ростокъ. Ваши дѣла не даютъ мнѣ покоя. — Если такъ—продолжалъ Наполеонъ — переходите къ англичанамъ. Вы увѣряете, что хотите остаться на моей сторонѣ; докажите же это, докажите! Вывозная торговля—это орудіе войны. Гдѣ же нейтральный флагъ? Нейтральныхъ флаговъ нѣтъ. Англія не признаетъ ихъ; я тоже не хочу признавать ихъ. Швеція причина кризиса, испытываемаго мною. Она дѣлаетъ мнѣ столько вреда, сколько не сдѣлали всѣ пять коалицій.

Швеціи; что императоръ Наполеонъ равномерно увѣренъ, что Финляндія должна принадлежать Россіи, дабы централизовать резиденцію ея государей.

(42) Copie de la lettre du Prince Royal de Suède au Roi de Suèdes de 9 Octobre 1810 г. Арх. министерства иностранныхъ дѣлъ. Картонъ № 73.

Выбирайте; или стрѣлять по англичанамъ, приближающимся къ нашимъ берегамъ, и конфисковать ихъ товары, или война съ Франціею. Я могу двинуть на васъ русскія и датскія войска, могу конфисковать ваши корабли во всѣхъ континентальныхъ гаваняхъ. Я сдѣлаю это, если черезъ двѣ недѣли вы не будете въ войнѣ съ Англіею.

Послѣ такого разговора, курьеры—одинъ отъ французскаго министра иностранныхъ дѣлъ, а другой отъ шведскаго посланника, бывшаго въ Парижѣ—отправились въ Стокгольмъ съ извѣстіемъ, что Алкье уѣдетъ изъ Швеціи и Франція начнетъ войну, если Швеція не исполнитъ всѣхъ требованій въ теченіе пятидневнаго срока послѣ подачи французскаго ультиматума. Дѣлать было нечего: Швеція объявила, что начнетъ войну съ Англіею и конфискуетъ англійскіе товары, хотя и была увѣрена, что ни Россія, ни Данія не двинуть своихъ войскъ по мановенію руки Наполеона.

Датскій посланикъ въ Стокгольмѣ рассказывалъ Сухтелену, что датское правительство, напротивъ, имѣя только нѣкоторые свѣдѣнія о томъ, что князь Понте-Корво желаетъ избѣжать проѣзда чрезъ Копенгагенъ, старалось устранить всякое недоразумѣніе и предубѣжденіе. По прибытіи Бернадота въ Гамбургъ, датскій повѣренный въ дѣлахъ адресовалъ даже къ нему вопросъ по этому дѣлу, на который Бернадотъ отвѣчалъ чисто-сердечно.

„Я думаю—писалъ онъ—что будутъ не совсѣмъ довольны меня видѣть въ Копенгагенѣ.“

„Совершенно напротивъ — отвѣчалъ датскій повѣренный въ дѣлахъ—тамъ васъ ожидаютъ съ большимъ нетерпѣніемъ.“

„Если это справедливо — писалъ князь Понте-Корво — то я тамъ буду и тогда, если бы даже мнѣ пришлось сдѣлать 200 миль кругу для того, чтобы проѣхать чрезъ Копенгагенъ, тѣмъ болѣе, что мы сосѣди и должны быть всегда добрыми друзьями и союзниками. Впрочемъ, я уже довольно сдѣлалъ кампаній, и мнѣ остается желать только наслаждаться спокойствіемъ.“

„Съ своей стороны—писалъ Сухтеленъ—я осмѣлюсь увѣрить, что относительно сохраненія мира съ пограничными державами Швеція даже принуждена безусловными недостатками всякаго рода средствъ.“

Не говоря о главнѣйшихъ изъ нихъ, т. е. о недостаткѣ денегъ, она не имѣла, напримѣръ, запасовъ селитры болѣе того, сколь-

ко необходимо для обыкновеннаго потребленія и расхода текущаго года. „Внутри страны нѣтъ возможности купить ни селитры, ни свинцу. Нѣтъ вовсе сукна для одежды войскъ; оружіе въ очень дурномъ состояніи, и проч. Справедливо, что будутъ приняты мѣры къ комплектованію полковъ рекрутами резерва, который разсыпанъ внутри страны; но это сдѣлано потому, чтобы вызвать рекрутовъ, ибо крестьяне представили о невозможности, которую они встрѣчаютъ въ прокормленіи ихъ пищею по деревнямъ. Большая часть полковъ считаютъ у себя въ недочетъ отъ 100 до 150 человекъ.“

Изъ всего сказаннаго, кажется, можно вывести положительное заключеніе о томъ, что если дѣла въ самой Швеціи были таковы, что не могли привести ее къ безусловному ослабленію, то, во всякомъ случаѣ, они были таковы, что Швеція не могла принимать никакого внѣшняго участія въ дѣлахъ другихъ европейскихъ государствъ, тѣмъ болѣе Россіи, занимавшей въ 1810 году первое мѣсто въ политическомъ мірѣ.

Въ заключеніе доказательствъ о томъ, что Россія въ эту эпоху была совершенно изолирована отъ всякаго рода интригъ и вмѣшательства, намъ остается сказать еще нѣсколько словъ объ Австріи. Пробѣжавъ настоящую главу, читатель находилъ въ разныхъ мѣстахъ указанія на поступки вѣнскаго кабинета и его направленіе.

Марта 14-го (н. ст.) уполномоченные съ нашей и съ австрійской стороны для постановленія границъ между обѣими державами заключили конвенцію, которою Австрія уступила Россіи весь округъ Тарнопольскій и части округовъ Злоцау, Залецикъ и Бржеганъ. Такимъ образомъ, новую границу нашу составляла линия, начинающаяся отъ прежнихъ границъ Россійской имперіи противъ Гниздизна и простирающаяся по Мзаникъ, Воробьевкъ, Забойкъ, Раковицъ, Зелопъ, Береміанъ до устья рѣки Стрипа, а оттуда по Днѣстру до прежней нашей границы (43).

Въ сношеніяхъ своихъ съ Россіею австрійское правительство высказывало, какъ мы видѣли въ предыдущихъ главахъ, неоднократное желаніе о возстановленіи дружественныхъ отношеній на прочномъ основаніи. Съ тѣхъ поръ Австрія не переставала слѣдовать разъ высказанному желанію, и затѣмъ пове-

(43) Депеша графа Румянцева отъ 24-го марта. Арх. министерства иностранныхъ дѣлъ.

деніе ея нисколько не противорѣчило съ ея заявленіями, хотя и не отличалось особенною стойкостію и достоинствомъ. При производствѣ раздѣла съ нами на основаніи вѣнскаго трактата (1810 г.) и при постановленіи новыхъ границъ, со стороны Австріи была оказана всевозможная податливость. Чтобы привести это дѣло къ концу, Австрія согласилась даже уступить намъ часть своихъ владѣній съ нѣсколькими тысячами жителей (свыше 400,000) сверхъ тѣхъ владѣній, которыя были опредѣлены трактатомъ. Въ округахъ, присоединяемыхъ къ Россіи, находилось одно изъ самыхъ богатыхъ имѣній австрійскаго императора, которое оцѣнено было нашими полномочными въ четыре милліона. Въ продолженіе переговоровъ между Россією и Австрією, одинъ изъ тамошнихъ владѣльцевъ торговалъ это имѣніе у императора Франца. Несмотря на значительную цѣну, которая была даваема за имѣніе, и на то, что положеніе дѣла не измѣнилось бы оттого, если бы имѣніе это, какъ казенное или принадлежащее частному лицу, перешло во владѣніе Россіи, австрійскій императоръ не согласился на продажу, „отъзываясь, что, давъ уже согласіе свое на уступку того края Россіи, онъ не считаетъ себя больше вправѣ располагать онымъ“⁽⁴⁴⁾

Стараясь всячески возстановить доброе согласіе и взаимную довѣренность, австрійскій императоръ, извѣщая петербургскій дворъ о согласіи, данномъ имъ на супружество дочери своей съ Наполеономъ, не скрылъ, что французскій императоръ, въ доказательство искренняго расположенія къ вѣнскому двору, обѣщавъ немедленно вывести войска свои изъ той части Германіи, гдѣ они могли наносить безпокойство Австріи, а также и изъ смежныхъ съ Австрією иллирійскихъ провинцій.

Императоръ Александръ, не желая оставаться, какъ говорится, въ долгу за такое дружелюбное расположеніе и узнавъ, что австрійскій генералъ графъ Сень-Жюльенъ, въ разговорѣ съ своими знакомыми, нѣсколько разъ высказывалъ, что вѣнскому кабинету было бы весьма пріятно, если бы вызовъ о назначеніи взаимныхъ миссій послѣдовалъ со стороны Россіи, приказавъ государственному канцлеру сообщить графу Сень-Жюльену, что, тотчасъ по полученіи австрійской ратификаціи

⁽⁴⁴⁾ Графъ Румянцевъ къ графу Каменскому въ депешѣ за № 59. Арх. министерства иностранныхъ дѣлъ. Картонъ № 73.

на сдѣланный между двумя имперіями раздѣлъ, онъ назначить къ вѣнскому двору графа Станельберга.

Вскорѣ послѣ того (10-го апрѣля) были получены въ С.-Петербургѣ австрійскія ратификаціи на актъ новаго нашего съ сею державою разграниченія. Податливость и склонность, оказанныя австрійскимъ дворомъ къ скорѣйшему окончанію этого дѣла, служили, конечно, доказательствомъ желанія установить дружественныя отношенія къ Россіи какъ можно прочнѣе.

При расположеніяхъ противныхъ и при малѣйшемъ недоброжелательствѣ къ намъ, Австрія очень легко могла бы медлить разграниченіями съ нами. Всѣ сіи поступки, въ томъ числѣ и приводимый нами ниже, доказывали совершенно противное.

Апрѣля 11-го пріѣхалъ къ нашему канцлеру бывший въ С.-Петербургѣ прусскій министръ баронъ Шладенъ, для прочтенія графу Румянцеву, по повелѣнію своего короля, рескрипта, имъ отъ него полученнаго, въ которомъ тотъ извѣщалъ его, что графъ Меттернихъ, по прибытіи въ Парижъ, видѣлся тамъ съ прусскимъ министромъ генераломъ Круземаркомъ, и по волѣ двора своего сообщилъ ему, что императоръ Францъ ничего не желаетъ кромѣ мира. Онъ находилъ, что существующій союзъ между Россіею и Франціею соответствуетъ совершенно политической системѣ самой Австріи. Меттернихъ говорилъ Круземарку, что вѣнскій дворъ, при искреннемъ своемъ желаніи видѣть миръ утвержденнымъ повсюду, рѣшился сдѣлать предложеніе англійскому кабинету о примиреніи съ Франціею. Австрійскій министръ иностранныхъ дѣлъ прибавилъ, что какъ только полученъ будетъ отвѣтъ о томъ англійскаго правительства, то императоръ сообщитъ его непременно Наполеону. Въ заключеніе графъ Меттернихъ увѣрялъ Круземарка, что ежели бы входило въ виды императора Наполеона замѣнить австрійскому дому понесенныя имъ потери и убытки какимъ-либо пріобрѣтеніемъ на счетъ владѣній короля прусскаго, то императоръ Францъ намѣренъ отклонить всякое о томъ предложеніе и „ни подъ какимъ видомъ на то не соглашаться, желая во всѣхъ отношеніяхъ сохранить доброе согласіе съ Пруссіею и не находя своего интереса въ ослабленіи сей монархіи“⁽⁴⁵⁾

„Вы можете вручить канцлеру имперіи (гр. Румянцеву) — писалъ прусскій король своему посланнику барону Шладену —

⁽⁴⁵⁾ Графъ Румянцевъ къ графу Каменскому, отъ 12-го апрѣля 1810 года.

все то, что мнѣ извѣстно о расположеніяхъ вѣнскаго двора, кажется, дѣлающаго все, чтобы устранить всякое опасеніе, могущее возродиться вслѣдствіе бракосочетанія австрійской принцесы Маріи-Луизы съ французскимъ императоромъ. Императорскій кабинетъ увѣренъ, что Австрія нуждается въ мирѣ, чтобы залечить рану, которая ей была нанесена столь несчастною войною, и чтобы вновь собрать силы, необходимыя для поддержанія своей независимости.

„Императорскій кабинетъ увѣренъ, что Австрія не можетъ надѣяться сохранить независимость до тѣхъ поръ, пока останется внѣ политической системы Франціи. Она ищетъ съ одной стороны избѣгать всего того, что можетъ привлечь ее къ тому, и отстранить, на сколько это зависитъ отъ нея, все, что можетъ распространить и упрочить эту систему. Съ другой стороны, Австрія будетъ споспѣшествовать всѣмъ своимъ могуществомъ и вліяніемъ къ поддержанію мира на континентѣ, стараясь даже употребить для того связи, существующія между Россією и Францією, и въ особенности къ возстановленію мира на морѣ, для котораго она предложитъ свое посредничество.“

Хотя Австрія, какъ мы видѣли, и принимала участіе въ этихъ переговорахъ, но скорѣе изъ необходимости, чѣмъ изъ дѣйствительнаго участія и желанія пользы Франціи. Можно сказать утвердительно, что между Австрією и Францією въ описываемое нами время не существовало никакихъ искреннихъ сношеній. Хотя нѣкоторыя нѣмецкія газеты и говорили о союзномъ трактатѣ между Францією и Австрією, въ силу котораго послѣдняя будто бы обязалась дать Франціи 150,000 вспомогательнаго войска, на случай ежели бы она была атакована, но на самомъ дѣлѣ такового постановленія мы не могли отыскать. Безъ всякаго сомнѣнія, эти слухи были дѣломъ самого французскаго императора, желавшаго поддержать всѣхъ въ мнѣніи о своей силѣ и могуществѣ.

Австрійскій народъ питаемую имъ ненависть къ Наполеону не скрывалъ даже и въ Парижѣ. Ненависть эта нисколько не уменьшилась родственнымъ союзомъ, соединившимъ обѣ державы. Графъ Меттернихъ всѣми силами старался устранить все то, что могло бы завлечь Австрію въ новыя обязательства съ Францією. Оказываемыя ему въ Парижѣ почести относились исключительно только къ его сану; что же касается до него

лично, то Наполеонъ не скрывалъ своего нерасположенія къ нему и выказывалъ всегда особую холодность во всѣхъ съ нимъ сношеніяхъ.

Собственно говоря, Австрія въ этотъ періодъ времени была въ какомъ-то безразличномъ состояніи. Поведеніе австрійскаго министерства относительно Франціи трудно опредѣлить настолько, что никто не могъ указать, какой именно системы держится вѣнскій дворъ. Вѣнская публика въ 1810 году дѣлилась на три лагера, въ своихъ основныхъ разглашеніяхъ совершенно противорѣчившіе другъ другу. Одни громогласно увѣряли, что слѣдуетъ ожидать непремѣннаго раздора между кабинетами петербургскимъ и австрійскимъ и что всѣ обстоятельства указываютъ, что война между двумя державами не замедлитъ разразиться; другіе говорили, что Франція не замедлитъ поссориться съ Россією и что Австрія сохранить въ этомъ случаѣ строгій нейтралитетъ; наконецъ, третьи увѣряли, что между тремя кабинетами существуетъ вопросъ о раздѣлѣ Турціи между Россією, Францією и Австрією ⁽⁴⁶⁾.

Такая разнорѣчивость слуховъ происходила, конечно, отъ неопредѣленности политической дороги вѣнскаго кабинета. На самомъ же дѣлѣ Австрія не имѣла никакихъ враждебныхъ видовъ относительно Россіи. „О миролюбивыхъ и благихъ къ намъ расположеніяхъ вѣнскаго кабинета — писалъ графъ Румянцевъ къ графу Каменскому ⁽⁴⁷⁾ — я увѣренъ. Разглашенія, утверждаемыя въ публикѣ, можетъ быть, утверждаютъ и противное тому, но ваше сіятельство знаете вѣсь таковыхъ разглашеній. Въ бытность вашу здѣсь вы, конечно, слышались и сами, и иногда отъ людей довольно значущихъ, о происшествіяхъ, какихъ никогда не бывало, и о выводимыхъ по онымъ ложныхъ заключеніяхъ о настоящемъ и будущемъ. Разглашенія публики такія же, конечно, въ Парижѣ и въ Вѣнѣ, какъ и въ Петербургѣ, то по нимъ ли можно судить о точномъ расположеніи кабинетовъ? По занимаемому мною мѣсту, я имѣю всѣ способы заключенія мои выводить по извѣстіямъ, изъ несомнѣнныхъ источниковъ почерпаемымъ, случая оныя между собою и повѣряя одни съ другими. Основываясь на таковыхъ

⁽⁴⁶⁾ Dépêche du C-te Schouvaloff au Chancelier de l'Empire datée de Vienne du 15 (27) Mars 1810. Арх. министерства иностранныхъ дѣлъ. № 44.

⁽⁴⁷⁾ Отъ 13-го апрѣля 1810 г. Арх. министерства иностранныхъ дѣлъ. Campagnes en Turquie. № 73.

соображеніяхъ, я могу увѣрить, что ни со стороны Австріи, ни со стороны Франціи не должны мы ничего опасаться.“

Впослѣдствіи вѣнскій дворъ старался болѣе опредѣлить свои отношенія къ Россіи. Послѣ брака императора Наполеона съ австрійскою принцесою, австрійскій министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Меттернихъ, бывшій въ то время въ Парижѣ, наиболѣе всѣхъ обращалъ на себя вниманіе столичной публики. Возбуждались толки какъ о немъ лично, такъ и о самой Австріи, и французская журналистика не осталась въ этомъ случаѣ назади: она истощалась въ догадкахъ и предположеніяхъ, высказывая, сколько можно, похвалы тому человѣку, который въ прошломъ же году былъ предметомъ ея насмѣшекъ, сарказмовъ и даже ругательствъ. Переходъ отъ насмѣшекъ къ похвалѣ былъ однакожъ искусственный, и публика, хотя и приученная къ подобнымъ противорѣчіямъ, не оставила не замѣченными тѣхъ выраженій, въ которыхъ старались возвысить службу Меттерниха и его заслуги, оказанныя австрійскому императору во время послѣдней посылки его въ Парижъ. Говорили, что онъ присланъ былъ въ Парижъ по требованію императора Наполеона и посылался своимъ дворомъ для трактованія о мирѣ съ Англіею и для заключенія какъ оборонительнаго, такъ и наступательнаго союза съ Франціею. Говорили еще, что графу Меттерниху поручено было вѣнскимъ дворомъ изыскать средства къ вознагражденію за значительныя потери, которыя были понесены Австрійскою имперіею въ послѣднюю войну, приобрѣтеніями или на счетъ Пруссіи, или въ Турціи. „Един — пишетъ князь Куракинъ—il n'y a sorte de vues et de projets qu'on ne lui ait prêtés.“ (48)

Князь Куракинъ, нашъ посланникъ въ Парижѣ, хотя и былъ весьма далекъ отъ того, чтобы вѣрить всѣмъ преувеличеннымъ слухамъ и извѣстіямъ, однакожъ пребываніе въ Парижѣ австрійскаго министра, искуснаго, дѣятельнаго и, какъ онъ выражался, „aussi bien agré“, при французскомъ дворѣ въ то время, когда образовывался тройственный союзъ съ Австріею, ему не могло не показаться заслуживающимъ вниманія.

Посреди всѣхъ переговоровъ, князь Куракинъ получилъ депешу отъ графа Шувалова изъ Вѣны, который сообщилъ инструкцію, данную Меттерниху его дворомъ и составляю-

(48) Dépêche du Prince Kourakin au Chancelier de l'Empire en date de Paris du 1 (13) Avril 1810. № 1018. Арх. министерства иностранныхъ дѣлъ.

щую цѣль его пребыванія въ Парижѣ. Неопредѣленность этой инструкціи не показывала ровно ничего; къ тому къ ней присоединены были данныя чрезвычайно сомнительныя, заставлявшія предполагать, что вѣнскій дворъ желалъ приобрести Молдавію и Валахію и что онъ успѣшно хлопоталъ о возстановленіи Польши. Всѣ эти извѣстія, распространявшіяся въ публикѣ, какъ бы подтверждались депешю графа Шувалова. Князь Куракинъ по необходимости долженъ былъ предположить, что они справедливы и что поѣздка Меттерниха въ Парижъ имѣетъ весьма важное значеніе для Россіи.

„Ваше превосходительство—писалъ Куракинъ графу Румянцеву—можете легко представить себѣ то состояніе духа, въ которое меня повергли всѣ сіи различнаго рода обстоятельства. Я начиналъ уже довольно сильно беспокоиться, когда однажды утромъ я вижу входящимъ ко мнѣ того, кто былъ причиною и предметомъ моихъ беспокойствъ. Отвѣтивъ на обязательный вопросъ графа Меттерниха о моемъ здоровьѣ, я искалъ случая и возможности перенести нашъ разговоръ на общественныя дѣла. Онъ отвѣчалъ сначала неопредѣленно, весьма много подсмѣивался надъ своимъ мнимымъ отъѣздомъ въ Англію и надъ всѣми проектами, предположеніями и дѣйствіями, ему здѣсь приписываемыми. Но когда я сталъ ближе приближаться къ истиннымъ мотивамъ, которые онъ привезъ въ Парижъ, онъ передалъ мнѣ слѣдующія слова и уполномочилъ меня сообщить ихъ моему двору.“⁽⁴⁹⁾

— Императоръ Францъ—говорилъ графъ Меттернихъ князю Куракину—соглашаясь на бракосочетаніе своей дочери Луизы съ императоромъ Наполеономъ, не руководствовался никакими честолюбивыми видами. Онъ отдалъ руку своей дочери безъ подчиненія ея худшимъ условіямъ. Онъ не имѣлъ вовсе въ виду ничего другаго, какъ только сохраненіе своей имперіи въ тѣхъ границахъ и предѣлахъ, которые вѣнскій трактатъ ему опредѣлилъ, и для того только, чтобы поддержать миръ на континентѣ, который, онъ льститъ себя надеждою, можно приписать этому супружеству. Онъ очень сожалѣетъ о всемъ томъ, что произошло въ продолженіе послѣдней войны между Россією и Австрією, и не желаетъ ничего болѣе, какъ только восстано-

⁽⁴⁹⁾ Арх. министерства иностранныхъ дѣлъ. Бартонъ № 73. *Campagne en Turquie.* № 85.

вить между ними то прочное отношеніе и ту связь, которыя были прежде послѣдовавшаго разрыва.

— Императоръ — продолжалъ графъ Меттернихъ — не питаетъ никакой злобы противъ Россіи; онъ предвидитъ доброе согласіе между двумя дворами, согласіе, необходимое какъ цѣль его политики, какъ средство для поддержанія континентальнаго мира, и которое онъ докажетъ во всѣхъ обстоятельствахъ. По-сылая меня въ Парижъ, его величество не имѣлъ вовсе ничего другаго, какъ личное присутствіе мое при императрицѣ, какъ человѣка, который, по знанію своему объ этомъ дворѣ и самой странѣ, можетъ своими совѣтами быть полезнымъ молодой императрицѣ.

Австрійскій министръ иностранныхъ дѣлъ говорилъ князю Куракину, что ему поручено было также донести о томъ положеніи, въ которомъ онъ оставитъ молодую императрицу.

— Одна только вещь—увѣрялъ Меттернихъ—которую мы надѣемся извлечь изъ этого союза и на которую въ настоящее время обращаются всѣ мои усилія и старанія у французскаго правительства: это наши комерческіе интересы. Совершенно парализованная наша комерція, даже и внутренняя, терпитъ и испытываетъ большія затрудненія и остановку. Вообще мы желали бы получить облегченіе въ комерческихъ дѣлахъ, которыя одни только могутъ возстановить наши финансы.

Кончая свой разговоръ, Меттернихъ повторилъ еще разъ, что австрійскій императоръ не питаетъ никакого другаго желанія, какъ только сохранить то, что имѣетъ; возстановитъ порядокъ въ администраціи своего государства и, давъ ему спокойствіе, заботиться о его благосостояніи, не думая объ увеличеніи своихъ предѣловъ на чужой счетъ.

— Но—возразилъ ему на это князь Куракинъ—если вамъ предлагать приобрѣтенія на Дунаѣ въ предѣлахъ Оттоманской имперіи, то вы не откажетесь отъ нихъ? ⁽⁵⁰⁾

— Этого—отвѣчалъ Меттернихъ—мы менѣе всего желаемъ. Турецкое государство самый удобный для насъ сосѣдь; оно не можетъ намъ причинить никакого безпокойства. Его слабость, анархія, которая царствуетъ во всѣхъ провинціяхъ, мѣшаютъ Турціи окончательно намъ вредить чѣмъ-либо, и я васъ увѣряю,

⁽⁵⁰⁾ Дешеша князя Куракина къ графу Румянцеву отъ 1-го апрѣля 1810 г. № 1,018.

что цѣлостъ ея владѣнія есть именно то, что можетъ быть лучшимъ для нашей политики.

„Потомъ — пишетъ князь Куракинъ (51) — разговоръ перешелъ на польскія дѣла, и въ этомъ вопросѣ, болѣе даже нежели въ другихъ, я нашелъ идеи, совершенно согласныя съ нашими интересами.

„Il envisage la conservation de la Gallicie orientale comme étroitement liée aux intérêts de la Cour et partage nos alarmes sur l'effervescence des Polonais, qui, selon lui, peut compromettre la tranquillité générale de l'Europe. Il finit par me renouveler encore l'assurance positive que l'Empereur, son Maître, ne conservait aucune trace de ressentiment contre notre Cour, qu'il n'était animé que du desir de renouer ses anciennes relations d'amitié avec Elle et de les entretenir par toute les moyens propres à les constater.“ (52)

Въ заключеніе своего свиданія съ княземъ Куракинѣмъ, Меттернихъ высказалъ желаніе о возстановленіи взаимныхъ миссій при дворахъ с.-петербургскомъ и вѣнскомъ. Онъ говорилъ, что императоръ Францъ готовъ уже на то, но желаетъ только знать истинныя намѣренія императора Александра. Графъ Румянцевъ получилъ вслѣдствіе такого заявленія повелѣніе императора сообщить австрійскому генералу графу Сень-Жюльену, бывшему въ Петербургѣ, что предоставляетъ совершенно императору Францу опредѣлить качество миссій. Съ своей стороны, желая доказать свои добрыя расположенія къ Австріи, императоръ Александръ повелѣлъ тотчасъ же признать австрійскихъ агентовъ въ княжествахъ Молдавіи и Валахіи и возвратить австрійскимъ подданнымъ прежнія ихъ преимущества. Графъ Сень-Жюльенъ просилъ государственнаго канцлера о дозволеніи, на примѣръ, австрійскимъ агентамъ въ княжествахъ на домахъ своихъ имѣть австрійскій гербъ. И на это послѣдовало разрѣшеніе (53). Словомъ сказать, наши отношенія къ Австріи были самыя лучшія.

(51) Та же депеша См. Арх. министерства иностранныхъ дѣлъ. Карт. № 73.

(52) „Графъ Меттернихъ считаетъ удержаніе восточной Галліціи тѣсно связаннымъ съ интересами своего двора и раздѣляетъ наши опасенія относительно волнений поляковъ, могущихъ, по его словамъ, нарушить спокойствіе Европы. Онъ заключилъ разговоръ новыми увѣреніями, что государь его не сохранилъ никакихъ слѣдовъ раздраженія противъ нашего двора, что его одушевляетъ только желаніе возобновить дружественныя съ нами сношенія и поддерживать ихъ всѣми способами.“

(53) Графъ Румянцевъ къ графу Каменскому, отъ 25-го апрѣля 1810 г.

„Что касается до Австріи—писалъ графъ Румянцевъ въ одной изъ своихъ депешъ къ графу Каменскому ⁽⁵⁴⁾ — то всякій день удостовѣряемся мы новыми опытами въ миролюбивыхъ вообще расположеніяхъ вѣнскаго двора.

„Расположенія таковыя должно почитать столько же плодомъ благихъ намѣреній императора Франца, какъ и послѣдствіемъ крайне разстроеннаго положенія финансовъ въ Австріи, ибо хотя курсъ тамъ и поправился было на нѣкоторое время, но нынѣ опять внезапно пришелъ въ большой упадокъ.“

Вскорѣ послѣ взаимныхъ увѣреній въ дружбѣ, курьеръ изъ Вѣны, прибывшій въ Петербургъ въ сентябрѣ, привезъ желаніе австрійскаго министерства вступить въ тѣснѣйшій союзъ съ Россіею. Вѣнскій кабинетъ изъявлялъ желаніе возстановить всѣ тѣ связи, каковыми обѣ державы были прежде *сопрягаемы*, но прося только одного: чтобы всѣ его предложенія оставались для другихъ „непроницаемою тайною“. ⁽⁵⁵⁾

Въ такомъ положеніи были наши дѣла съ Австріею, безпокоившія вначалѣ нашего посланника въ Парижѣ, по разнесшимся тамъ слухамъ о дѣли поѣздки Меттерниха. Императоръ Наполеонъ, узнавъ объ этихъ слухахъ, приказалъ своему посланнику въ Петербургъ объявить графу Румянцеву, что никакого союзнаго трактата относительно общаго политическаго положенія дѣлъ въ Европѣ не существуетъ; что въ бытность въ Парижѣ графа Меттерниха не сдѣлано никакихъ другихъ постановленій съ вѣнскимъ дворомъ, какъ только торговыхъ и о снятіи наложеннаго секвестра на нѣкоторыя имѣнія цесарскихъ подданныхъ. То же самое было сообщено и остальнымъ дворамъ.

Изъ этого сообщенія можно было вывести заключеніе, что, „не обольщаясь крайне-дружественными увѣреніями императора Наполеона, не должно однакожъ скрывать отъ себя того, что собственныя его дѣла, конечно, не въ такомъ положеніи; чтобы захотѣлъ онъ и могъ рѣшиться на какія-либо предпріятія, могущія нарушить добрыя его согласія съ Россіею“. ⁽⁵⁶⁾

Такое заключеніе было однакожъ несовсѣмъ вѣрно. Петербургскій кабинетъ ошибся въ своихъ предположеніяхъ: Напо-

⁽⁵⁴⁾ Графъ Румянцевъ къ графу Каменскому, отъ 17-го мая 1810 г.

⁽⁵⁵⁾ Графъ Румянцевъ къ графу Каменскому, отъ 16-го сентября 1810 г.

⁽⁵⁶⁾ Графъ Румянцевъ къ графу Каменскому, отъ 4-го ноября 1810 г.

леонъ не прямо, но косвенно нарушилъ доброе согласіе съ Россією.

Онъ издалъ декретъ о присоединеніи вновь къ Французской имперіи нѣкоторыхъ областей, въ числѣ которыхъ заключались и владѣнія герцога Ольденбургскаго. При самомъ изданіи этого декрета, напечатаннаго въ „Монитеръ“, графъ Шампиньи, по повелѣнію Наполеона, сообщилъ въ Парижѣ князю Куракину, а въ Петербургѣ сдѣлалъ такое же сообщеніе и государственному канцлеру французскій посланникъ, присоветовавъ, что императоръ Наполеонъ, зная участие, какое принималъ императоръ Александръ, по связямъ близкаго родства, въ герцогствѣ Ольденбургскомъ, и потому, не желая огорчить его, предписалъ одному изъ министровъ своихъ въ Германіи отправиться къ герцогу Ольденбургскому для объясненія. Посланный Наполеономъ долженъ былъ объяснить, что присоединеніе его владѣній сдѣлалось необходимымъ по причинѣ, въ самомъ декретѣ объясненной, для принятія строжайшихъ мѣръ противъ Англіи. Онъ долженъ былъ сказать герцогу Ольденбургскому, что, впрочемъ, императоръ Наполеонъ оставляетъ совершенно на его волю: сохранить ли за собою эти владѣнія посреди Французской имперіи, или замѣнить оныхъ взятыя другія въ нѣмецкой землѣ, которыя могли бы достаточно замѣнить ему сію потерю. (37)

(37) Делеша графа Румянцова отъ 30-го декабря. *Cambrages en Turquie*. № 180.

Н. ДУВРОВИНЪ.